

“капитан Немо для него был”

Людмила Харитоновна Гребенщикова — Газете

42

«поэзия — это проклятие, откажитесь, пока не поздно»

Когда Борька начал писать стихи, он отправил что-то в «Ленинские искры» и получил приглашение на семинар. Собралось ребята с 1-го по 10-й класс. И ведущий там был, который кашляя вещал: «Поэзия — это проклятие, откажитесь, пока не поздно». Помню, Борька прочитал всего Жюль Верна, и капитан Немо для него был прямо бог. И когда Борька пошел в первый класс, я попросила мужа, чтобы он организовал радиопрограмму сыну от Немо. И действительно пришла: «Мой мальчик, с гордостью слежу за твоими успехами. Капитан Немо». Он ее понес в школу, а я потом спрашиваю: «Ну и как ребята реагировали?» — «Мама, там никто не знает, кто это». Дальше — больше. Друзей много, а общения интеллектуального нет. И он спрашивает: «Мама, почему мне так трудно с ребятами?» Я объясняю: «Боренька, ты очень развитый мальчик». А Борька спрашивает: «Нельзя ли затормозить мое развитие?» Книжки производили на него ошеломляющее впечатление. Боренька был классе в третьем. Мы с ним разговариваем, он в другой комнате, и вдруг он замолчал. Я вхожу, он лежит, прижав книжку к груди, и смотрит сияющими глазами: «Мама, я прочитал «Алые паруса».

У него всегда куча была друзей. И в редкие моменты он входил, и газеты делал, потом с Толей Гуницким они стихи писали, с 6-го класса в литературный кружок ходили. Мне все это не нравилось. Я у каждого поэта люблю одну-две строчки и считаю, что все можно сказать прозой и гораздо лучше. Поэтому, когда он мне стихи свои читал, мне всегда это не нравилось. Это всегда было смешно. Я их критиковала. Позже я прочла у Сартра: «Я в детстве сделал ошибку и вышью степень принял за норму». И у меня с детства то же самое. У меня хорошая память, и если я вижу что-то лучшее, то худшее мне не нужно. Я все время мерю по высшей мерке. Боюсь, что мое мнение ему важно и сейчас. Боюсь, потому что я всегда слишком поздно понимаю. Я сначала говорю, что все не то, а потом уже мне начинает нравиться, но я его уже расстроила. Вот и с последним его альбомом так. От этих качеств его спасает жена, Ира. Она меня всегда спрашивает: «Зачем вы ему это все говорите?»

«если бы у нас было пианино, Борька бы сейчас симфонию писал, как Слонимский»

Когда Борька маленький был, я все больше хохотала с ним, старалась побольше ему показать, но не ласковой была. Теперь думаю: что я не могла ребенку сказать. Поздно я узнала, что ребенку нужно прикосновение, уже после Глебки.

Еще до школы, пока мы жили с родителями мужа, год к Борьке ходил преподаватель по фортепиано. Он сказал: «Мальчик очень способный, мы за год с ним прошли трехгодичную программу». Когда мы развлеклись и у нас инструмента не было, я стала просить своих друзей, музыкантов из Филармонии, найти какое-нибудь дешевенькое пианино. А они мне ответили: «Ты хочешь, чтобы он был музыкантом? Ты видишь, сколько наши дети занимаются? Ты этого хочешь?» Я сказала: «Нет».

Ты тогда, говорят, зачем? Чтобы девочкам фокстроты играть — обойдется! Так что, если бы у нас было пианино и я бы иначе решила, Борька бы сейчас симфонию писал, как Слонимский.

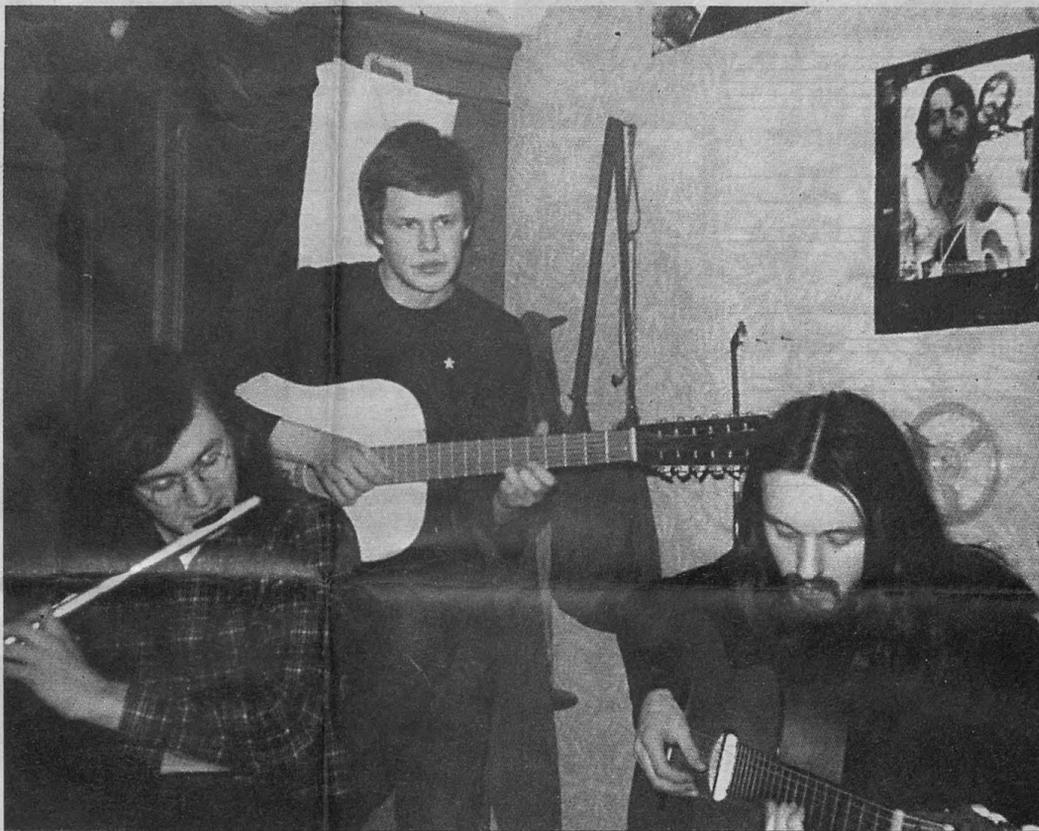
«бабушка мне была как мать, ты мне была как сестра»

Борька было шесть лет, когда мы разъехались с родителями мужа и вместе с моей мамой переехали на Алтайскую улицу. Бабушка полностью обслуживала Борьку. Пошли они гулять в садик, и девочки спрашивают: «Борька, ты пришел после обеда?» Бабушка за него отвечает: «Нет, девочки, он не придет, он будет спать». Боренька промолчал, но когда они пришли домой, заплясав ногами и сказал: «Как ты смела так сказать?! Кто здесь в доме хозяйка: ты или я?!» У него не было никакого сомнения, кто она была ему как мать. Он мне как-то сказал: «Бабушка мне была как мать, ты мне была как сестра». Бабушка кормила, поила, спедила: «Боренька, ты каждый день должен съедать по апельсину и по яблоку». Выходит в школу: «Ты не забыл, что у тебя биология? Взял учебник?». Он шел дальше, а она кричала: «Баранкин, будь человеком!» — очень любила этот фильм. Она гуляла с ним все время за руку. Как-то она мне рассказывала (Борька было лет 14): «Он мне говорит возмущенно: «Ты что, все время будешь гулять со мной за руку? Как только получишь паспорт, я буду гулять один!» Она замечательная была. Никакой в ней не было сырности. Была требовательная. Какой жизнью жили наши матери: революция, война, блокада, поэтому у нее была нормальная реакция и очень хорошее чувство юмора.

«я Борю никогда не пускала за общий стол к взрослым»

Один раз я на Борьку руку подняла. В десятом классе он мне схамил. И я дала ему пощечину. Он подумал и сказал: «Ты мать, тебе можно». Отец на него даже голоса не поднимал.

Я то, что Борька теперь говорит о детстве, с интересом читаю и слушаю, потому что ничего похожего не было. Я читала, где-то он говорил, что не помнит, чтобы он с отцом разговаривал, тот бы ему читал... Я говорю: «Боренька, он всегда был рядом». Малейшая реакция на какое-то слово, поведение — всегда рядом с тобой был эталон, как надо себя вести. Муж был такой остроумный, такой артистичный, душа компании.

Дюша Романов, Борис Гребенчиков и Сева Гаккель. Домашняя репетиция, 1975 год

Маму послали на оборонные работы, но, когда врач послушал ее сердце (а у нее был врожденный порок сердца), он сказал: «Эту с первой же машиной обратно, она больше месяца не протянет». Какое сопротивление человеческого материала: она с этим большим сердцем меня вырастила, Борю и даже правнука Глеба (сын БГ. — Газета) довела до школы. Мое детство — это блокада и очень тяжелые воспоминания. Я даже написала повесть «Записки блокадной школьницы», она была напечатана в университетском каком-то издании. Я там писала, что нас всех спасала школа, потому что матери работали, отцы были на фронте или их уже не было. Поэтому мы жили практически в школе. Нам давали карточки, нас кормили там завтраком, обедом, а на ужин давали кусочек хлеба, посыпанный сахаром. Все преподаватели были старой школы — такая высокая нравственность, такая культура — изумительные были преподаватели. В школе был литературный кружок. Я написала сразу поэму, начинавшуюся словами: «Ах, няня, что ты здесь так грустно...» (смеется), но там были феи, эльфы, принцессы. Наша учительница улыбнулась и спросила: «Ну, какое будет мнение?» И моя приятельница встала и говорит: «Я не знаю, как объяснить, но мне не понравилось». Учительница рассмеялась и говорит: «Да у тебя хороший вкус». Я так обиделась, что перестала после этого писать стихи. Это было в шестом классе. Та же учительница организовала драматический кружок. Мы были в большом восторге: театры не работали, а костюмерные работали, и школы могли брать костюмы для своих спектаклей. В 6—7-м классе мы ставили Мольера, нам привозили пышные платья, а после спектакля был разбор, и про меня учительница сказала: «Роль субретки — это ее амплуа», и мне пришлось проглотить обиду.

Еще до войны я хотела быть балериной. Перед войной я закончила 4-й класс и поступила в хореографическое училище. Меня приняли, но началась война, хореографическое училище эвакуировали, а когда война кончилась и училище вернулось, я не интересовалась танцами. У нас уже был театр. Но после школы в театральную я не пошла: мы жили на нищенскую мамину зарплату, и я знала, что главное — получить какую-то специальность, чтобы зарабатывать деньги. Я пошла на юридический факультет. Только потому, что мне понравился коридор университетский. Хотя конкурс был для человека на место, я поступила. Но меня, конечно же, влекли и искусство и литература. Мы жили только этим — музыкой, чтением, театрами, больше же у нас ничего не было.

«господи, дай мне его в мужья»

В университете у нас в компании стали появляться мальчики. И появился отец Бори, тоже Борис. Я была на первом курсе, а он на третьем курсе мореходки, плавал за границу. Отец его был начальником Балтфлота, но этого мы еще не знали. Элегантность, ум, манера держаться — не похожий на всех мальчишек, которые нас окружали. И после первого же вечера я пришла домой и, повернувшись к тому месту, где могла бы быть икона, сказала: «Господи, дай мне его в мужья». Хотя на этом вечере он был с девушкой и все заранее знали, что видов никаких. Девушка была красивая, наполювину армянка, наполювину казачка. Но больше он не стал с ней приходить. А у нас все время были праздники, был абонемент в Филармонию, ходили по театрам. И в конце первого курса моего он в шуточной форме предложил выйти за него замуж. Я сказала, что выйду замуж, только когда закончу университет. Я понимала, что муж мужем, а кусок хлеба надо зарабатывать самой. Он ответил: «Что ж, я подожду». Мы поженились, только когда я перешла на пятый курс, а он уже работал. Правильно писал кто-то из французских: «Бедность в юности нужна — она заставляет работать».

Я очень хотела, чтобы свадьба была в день моего рождения, 30 июля. А родители его

говорили, что не успеют приготовить себе туалеты. Но раз я хочу... 30 июля мы поехали в ЗАГС и простенько записались, а 9 августа машину нам дали, мы доехали. Посидели дома у родителей Бориса. Моя бедная мамочка когда первый раз в тот дом вошла, будущая моя свекровь встретила ее отвернувшись — не такую невестку хотела она для своего сына. И больше мама к ним не ходила.

Я немного знаю о семье мужа. Помню, что свекровь, хоть и была русская, жила в Баку. И там вышла замуж за своего мужа, который был из очень бедной семьи, но еще до революции пробился и стал управляющим какой-то международной фирмы. Но он сразу принял революцию. Потом они как-то переехали в Саратов. Он был начальником ВЧК, потом оказался в Ленинграде, потом был представителем в Азербайджане, в блокаду строил Дорогу жизни... Закончил он работать начальником Балтфлота и умер, когда родился Боренька. Его именем было даже названо судно. После похорон Сталина он сказал: «Как жил по локоть в крови, так и умер».

«сколько красоты я спустила с мужа и с сына!»

Боренька как-то спросил меня маленький, что такое национальность. Я ответила, что в какой стране люди живут, такая и национальность. Во Франции — французы и так далее. Боренька подумал и сказал: «Мне почему-то кажется, что я бакунец». Наверное, услышал разговоры о Баку. Муж после окончания мореходки плавать не стал, и мне теперь даже жалко, я помню, он плавать хотел и любил. Он работал в военном институте, заведовал лабораторией, все время изобретал какие-то приборы, очень хотел улучшить условия работы моряков. Много ездил в командировки, в том числе за границу. Ставка ему полагалась как заведующему, но у него не было степени, и он получал 120 рублей. Диссертацию начнет — бросит, приборы изобретал все время, а внедрение-то всего один раз было при его жизни. Я не работала тогда еще, но мне многого хотелось: праздников, нарядов — да вообще всего. У меня есть такое свойство: я пока не прочла где-нибудь, не знаю, как себя вести. Я прочла в Библии: «Если ты будешь карать человека за грехи, то рассыплется, как от моли, краса его». Как я поздно об этом узнала! Сколько красоты я спустила с мужа и с сыном! Я все время только с нравовчниками, с требователями. Мужа я все время критиковала. За то, что денег мало. Но он так любил свою работу! Вечером спать ложился и говорил: скорей бы утро. Когда я его допилила, он согласился пойти директором того завода, что внедрил его прибор. И это его убило. Он мне говорил: «Я не люблю административную работу». И началось: заводу нужно одно, горком требует другое. Муж приходил каждый вечер, набивал рот лекарственными сердечными, работа нелюбимая, чужая. Лет пять проработал — инфаркт за инфарктом, и все. Если бы не моя жажда удовольствий, он бы себе спокойно работал и дожил бы до нынешнего времени, открыл бы фирму свою, потому что он государственный человек был.

Мы еще жили с родителями мужа, когда я пошла работать. Юристом я работать не могла — адвокатом я бы хотела стать, чтобы защищать людей, но в адвокатуру было не попасть. А в прокуратуру мне не понравилось еще на практике, когда я увидела, как там унижали людей, издевались. И то же самое после практики в суде. В общем, ни там, ни там я работать не смогла бы. Какая-то дальняя родственница мужа работала в Доме моделей, рисовала. А я научилась рисовать еще во Дворце пионеров. Я показала рисунки, и меня приняли художником в издательскую группу, рисовать модели. Творческий кабинет, французские журналы — очень мило. Я и дома рисовала, расписала стенку в египетском стиле. Борька помнит, что я все время рисовала. Но на мое счастье, через десять лет директором Дома моделей назначили какого-то жулика

из издательства. Ему не понравилось мое юридическое образование и выступление на каком-то собрании, и он подвел меня под сокращение штатов. Но я не горевала. Муж пытался меня в разные места устроить, но все было не мое. А потом вспомнил, что мой однокурсник стал проректором по кадрам в университете. Этот Сережа меня спросил: «Что ты хочешь?» Я слышала, что появилась социология. И он меня отправил во ВНИИКСИ. Я прихожу и вижу: мраморные лестницы, все зеркала в золоте, за приоткрытой дверью — как Красная штофная гостиная в Эрмитаже. Там и оказалась моя юридическая лаборатория. В этом институте я проработала 20 лет, и это было счастье. Сначала занималась преступностью молодежи. Потом Борька начал заниматься музыкой, и я перешла в социологическую лабораторию и взяла себе тему, связанную с творческой молодежью.

«дорогой Никита Сергеевич! я все про Вас знаю, скоро будет совещание на высшем уровне, давайте переписываться»

Первые пять лет мы жили с родителями мужа. У них была пятикомнатная квартира на улице Жуковского (самый центр Ленинграда. — Газета), где у нас с мужем были две маленькие комнаты. Здесь же кроме родителей мужа жила его старшая сестра с мужем и дочкой. У родителей мужа было много друзей — генералы, адмиралы. Они часто приходили с семьями, особенно по праздникам. На мне была художественная часть. У них была большая коллекция пластинок Петра Лещенко. Когда появился магнитофон, то появилась музыка из индийского кино. Я, оставаясь дома одна, заводила пластинки, и Боренька со мной тоже их слушал.

Мне всегда казалось главным чего-то не упустить. Таню (двоюродную сестру БГ. — Газета) всегда дисциплинированно в 9 вечера уводили спать. А я наоборот — по телевизору показывали индийские танцы — я бегу, хватаю Борьку из кровати и тащу к телевизору: «Боренька, это надо видеть!» Мне неважно было — ночь, день, если что-то интересное, я стремилась ему показать. И он в три года уже танцевал на домашних праздниках, клоуном был, играл Буратино. Увидела по телевизору коридор — устроила коридору на домашнем празднике. Боренька был тореадором, танцевал испанский танец. Таня сидела как бы в ложе и обмахивалась веером. Боренька выходил, становился на одно колено и говорил: «Тебе, даме моего сердца, я посвящаю этого быка». Выбегала другая девочка на четвереньках — она была быком. Но Боренька соглашался убивать быка только из пистолета с огнем. На Новый год я всегда гримировалась. Один раз переделалась Бабой Ягой. Смотрю на себя в зеркало — и хохочу. Боренька говорит: «Мама, мы ведь с тобой заодно?» — боялся... Борька, еще когда маленький был, воспринимал весь мир как свой дом. Шел, отдавал честь военным, подмигивал милиционерам — всех принимал как близких людей. Он легко сходился с людьми всегда. Может быть, благодаря праздникам нашим с младшим с его трех лет? Ему было лет шесть, мы приехали на дачу, и он вдруг видит на полянке курсантов или военных. Борька побежал, стал петь, танцевать. Они хохотали, а командир сказал: «Борька, вырастешь — приходи к нам».

Боренька был очень начитанный, рано начал читать. Когда мы прочли «Кондуит и Швамбранию», он затеял с ними переписку. Буквы он начал писать года в четыре. Идет гулять с ружьем и метелкой. Дворник его спрашивает: «Так ты дворник или военный?» — «Я», — говорит, — военный дворник». А на столе письмом лежит с адресом: «Москва. Кремль. Хрущеву: «Дорогой Никита Сергеевич! Я все про Вас знаю. Скоро будет совещание на высшем уровне. Давайте переписываться». И все. Ни числа, ни адреса.

Борису Гребенчикову 5 лет (1959 год) Фото из личного архива Людмилы Харитоновны Гребенщиковой

Борис Гребенчиков и Сева Гаккель (1975 год) Фото Андрея «Вилли» Усова

Борька с мамой на даче под Ленинградом (лето 1957 года) Фото из личного архива Людмилы Харитоновны Гребенщиковой